

УДК 93.94

ПОНЯТИЙНЫЕ УСЛОВНОСТИ КАК КОДИФИКАТОРЫ РЕАЛИЙ ПРОШЛОГО

В.А. Матвеев

CONCEPTUAL CONVENTIONS AS CODIFIERS OF THE REALITIES OF THE PAST

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отражен результат анализа конкретизирующих обозначений, употреблявшихся в эпоху интеграции Северного Кавказа с Россией во второй половине XIX – начале XX в. Применение их в существовавших тогда условиях являлось своеобразным источником информации, позволяющим делать определенные выводы о состоянии и направленностях происходившего процесса сближения. Замена же существовавших в действительности смысловых отображений приводит к снижению достоверности ретроспективных воспроизведений, а иногда и к допущению искажений. Емкие определения исторических реалий при использовании в научных целях принято называть понятиями или категориями.

В исследованиях они становятся своеобразными концептами, содержащими определенный вкладывавшийся смысл в конкретных условиях. Без них соответственно невозможно не только обеспечить объективность изложения, но и передать существовавший в действительности колорит. Однако понятия, имевшие когда-то распространение, со временем выходили по мере происходивших изменений из оборота, что прослеживается и на результатах интеграционного процесса Северного Кавказа с Россией. Соответственно их нельзя отображать для реконструкций в другие периоды. Понятия выступают, следует заметить, условностями, служащими своеобразными опорными сюжетами при воссоздании срезов прошлого.

Abstract. The article reflects the result of the analysis of concretizing designations used in the era of integration of the North Caucasus with Russia in the second half of the XIX – early XX century. Their application under the conditions of that time was a kind of source of information that allowed us to draw certain conclusions about the state and directions of the convergence process that was taking place. The replacement of existing semantic representations leads to a decrease in the reliability of retrospective reproductions, and sometimes to the assumption of distortions. Succinct definitions of historical realities when used for scientific purposes are usually called concepts or categories.

In research, they become a kind of concepts that contain a certain meaning inferred under specific conditions. Thus, without them it is impossible not only to ensure the objectivity of the presentation, but also to convey the color that actually existed. However, the concepts that were once widespread, eventually went out of circulation as the changes occurred, which can be traced to the results of the integration process of the North Caucasus with Russia. Accordingly, they cannot be displayed for reconstructions in other periods. It should be noted that concepts act as conventions that serve as a kind of reference plots when recreating sections of the past.

Ключевые слова: емкие определения, исторические категории, понятийные условности, Северокавказская окраина, Российская империя, процессуальные состояния, соответствия действительности, реалии эпохи.

Keywords: comprehensive definitions, historical categories, conceptual conventions, the North Caucasus outskirts, the Russian Empire, procedural states, correspondences of reality, the realities of the era.

Емкие концепты, опорные понятия, являясь условностями, отражают ту или иную существовавшую в прошлом реальность. Точность же их употребления повышает достоверность результатов научного анализа. Именно в терминах воплощаются в том или ином оформлении сущностные признаки. Как обобщения категории имеют неразрывную связь с языковой основой, воплощаясь в словах и их сочетаниях. Отражая специфику исторического процесса, понятия предполагают соблюдение точности употребления. Выступают они и в качестве своеобразных кодификаторов, позволяя достоверно передавать существовавшие процессуальные состояния в периоды возникновения. Определим смысловые позиции используемых терминов применительно к исследованиям эпохи интеграции Северного Кавказа с Россией во второй половине XIX – начале XX в.

Обозначения «край», «окраина», «регион» использовались тогда, следует заметить, с учетом существовавших особенностей. Распространенность применения данных понятий в изучаемый промежуток времени, равно как и других специфических обозначений, отображена в фундаментальной систематизации В.И. Даля. Край рассматривается в ней в качестве части государственного пространства с этнически неоднородным составом населения, сложившейся вместе с тем в единую административно организованную систему, включающую различные области и губернии. В толковом словаре В.И. Даля понятие «край» интерпретируется как «предел, рубеж, сторона». Воспроизведены в нем и другие содержательные наслоения. Так обозначались в середине XIX в., когда составителем словаря производился сбор сведений для обобщения и последующего издания, «земля, область и народ» [1, с. 184]. В.И. Даль выявил в наименовании «край» и отображение смысла «местный, туземный» [1, с. 184].

Эти оттенки впитали языковую реальность изучаемой исторической эпохи и учтены в предложенной расшифровке термина. В соответствии с этой данностью употреблен и термин «туземный», который В.И. Далем раскрыт как «местный, относящийся до известной... местности», а производное определение «туземец» сопровождается разъяснением «здешний, тамошний уроженец, природный житель страны, о коей речь» [2, с. 440–441]. С ним, судя по всему, было тесно связано противопоставление «иноплеменный, инородный», характеризовавшее принадлежность «к другому племени, роду» [1, с. 46]. Показателен тот факт, что служившие в годы первой мировой войны в Кавказской конной туземной дивизии добровольцы от всех исповедовавших ислам народов края, согласно сохранившимся воспоминаниям, с гордостью воспринимали такое название. Конкретизация «туземная» вовсе не казалась им унижительной и излишней.

В один ряд с этим обозначением поставлено и употреблявшееся в лингвистическом обиходе России того времени выражение «иноверный, иноверец», которое указывало на «учение и обряды... не господствующего... исповедания, веры» или принадлежность к иной вере [1, с. 45]. Эти понятия, как видно, не имели дискриминирующей и унижительной нагрузки, приписанной им в советский период. В свое время они широко использовались учеными и в статистике, опиравшейся на данные отечественной науки. Даже в оппозиционном издании 1910 г. автор общего обзора «Инородцы», допуская, как и все участники сборника, негативные высказывания о России, вынес применявшийся на практике термин в заголовок, указав на необходимость его этнографического понимания. В конкретизации Л. Штернберга утверждалось, что в данном языковом символе отражены «группы народов, либо совсем чуждых, либо только в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре» [3, с. 532].

Поэтому вряд ли правомерна рекомендация воспринимать это название с позиций «политической корректности». Термин «окраинцы», противопоставляемый в одной из полемических публикаций определению «инородцы», в словаре В.И. Даля, весьма точно воспроизводившем лингвистическую практику, не получил отражения. В примечании автора к изданию 1881 г. об обобщенных в нем сведениях говорилось следующее: «Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных» [1, с. 3]. В наименовании же «инородцы» никакой негативной нагрузки не отмечено, хотя приводятся различные производные от него уточнения, отражавшие то, с чем приходилось сталкиваться в действительности.

Да и в толковом словаре С.И. Ожегова, составлявшемся в советский период, у этого определения не выделено каких-либо унижительных оттенков. В сопровождающем пояснении лишь отмечается, что к инородцам «в царской России» относился всякий «уроженец окраины страны, по преимуществу восточной, принадлежащий к одному из национальных меньшинств» [4, с. 250]. Дополнение «ино», по версии С.И. Ожегова, указывает прежде всего на противоположность «иной, другой»: «иноплеменный», то есть принадлежащий к «иному племени, народу», «иноверец» – представитель «другой веры». Вариация «инородный» означает, по С.И. Ожегову, чуждую среду или обстановку [4, с. 250]. Следует заметить, что и эта лингвистическая систематизация не дает оснований ставить под сомнение «политическую корректность» употребляемых в исследованиях по Северному Кавказу терминов.

Обозначение «инородец» имело распространение и в других империях. Но его устойчивое употребление прослеживается главным образом там, где так же, как и в России, происходило соприкосновение различных этнических групп населения. В Британской империи, имевшей зависимые владения на значительном удалении, чаще всего встречалось обозначение «туземный» [5]. В Китае же, например, для придания термину «инородный» презрительного значения использовались другие дополнявшие его слова [6, с. 3]. Наименования «окраинцы»

в толковом словаре С.И. Ожегова тоже не зафиксировано, хотя дается несколько значений понятия «окраина». В качестве таковых в России до 1917 г. воспринимались территории, отдаленные «от центральных областей... государства», приближенные к внешним границам. Так называлась периферия империи, чаще всего восточная. С.И. Ожегов не обошел вниманием и употреблявшиеся производные слова, в частности уточнение «окраинный» [4, с. 448].

То, что понятие «окраина» и производное от него «украина» вбирают «чисто географические свойства, не имеющие ничего общего ни с этнографией, ни с культурой», подтверждено и специальными исследованиями. С помощью данных смысловых конкретизаций, как установил И. Бутенко, обозначали «край, землю». Указания на это содержатся не только в русских летописях, но и в польских хрониках. В актах сформировавшейся позже Московской Руси, например, упоминаются «Слободская... Псковская, Смоленская, Татарская, Мордовская» и иные «украины» государства, составлявшие с ним единое целое и не имевшие политической обособленности [7, с. 2]. Отражая колорит эпохи, все перечисленные термины подпадают под категорию исторических, и исследователи, на мой взгляд, не вправе менять что-либо в этом отношении. Возможность и даже предпочтительность использования прежних названий признают и другие ученые [8, с. 6].

Иначе следует воспринимать, говоря словами авторитетного представителя зарубежной исторической науки Д. Хоскинга, «сформулированные в терминах... представления» [9, с. 40], не являющиеся наследием прошлого, но включающие в себя анализ происходивших событий. В таком случае исследователь имеет право предлагать свои обобщающие обозначения и вырабатывать опорные понятия концептуальных построений. Кстати, сам Д. Хоскинг не избегал употребления термина «инородцы» для описания особенностей Российской империи [9, с. 39]. Изложенные интерпретации в какой-то мере выступают в роли источников, позволяющих соразмерно передавать историческую реальность. Однако их, безусловно, нельзя применять в характеристике процессов в периоды, когда под влиянием иных трансформаций они вышли из употребления.

В.И. Даль воспроизвел в своем словаре российскую лингвистическую реальность второй половины XIX в. Сохранялась она, судя по всему, и в начале XX в., но под воздействием модернизационных процессов претерпела изменения. Понятие «инородный» употреблялось и с явно выраженным этническим смыслом, отражавшим невостоочнославянскую принадлежность. В.М. Кабузан, видный отечественный специалист в области демографии, на основе разнообразных статистических источников, вобравших сведения о народах Российской империи, установил, что к данной категории относилось «не русское, украинское или белорусское население» [10, с. 8]. Это объяснение содержит, тем не менее, отпечаток пониманий, укоренившихся в науке в советский период ее развития.

Восточное славянство официально и на уровне массового самосознания воспринималось до 1917 г. как нераздельное сообщество, украинцы

и белорусы к инородцам не причислялись [11, с. 564]. Именно в свете этих представлений они в качестве сопредельных этносов не воспринимались. Поэтому при проведении в 1897 г. переписи в Российской империи украинцы и белорусы статистически не выделялись. Существовала лишь общая рубрика «Русские», с подразделением на наречия «великорусское», «малорусское» и «белорусское» [12]. При выборах в Государственную думу всех созывов в начале XX в., например, «украинские губернии» по действовавшим законам не рассматривались как «национальные». Количество представителей от них увеличивалось даже тогда, когда по разным причинам уменьшалось от иноэтнических субъектов [13, с. 101].

Утверждения историка М.С. Грушевского, развитие специфических взглядов которого по проблеме происходило именно в тот промежуток времени, об отсутствии единства восточных славян, о наличии в их среде трех обособленных друг от друга общностей, о дискриминации украинцев в Российской империи [14, с. 307–330] не соответствовали действительности. В данных взглядах отражалась одна из тенденций в этнической эволюции, отнюдь не преобладавшая до 1917 г. Ошибочным является отнесение украинцев к «недержавным национальностям» [14, с. 306–307]. Такого разделения в сложившейся отечественной практике не существовало.

К инородцам относили всех подданных «неславянского племени». Они пользовались «особым правом управляться и судиться по своим обычаям, своими выборными», имели ряд других льгот и послаблений, в том числе и в исполнении фискальных повинностей. Определение «инородцы» по всей Российской империи позволяло производить этнические противопоставления различных соприкасавшихся с восточными славянами групп населения, являвшиеся, безусловно, показателем незавершенности процессов общегражданской интеграции. Понятие же «туземцы» имело привязку к конкретным местностям. «Кавказцы», например, в других частях государственного пространства оставались «инородцами» и лишь в пределах края рассматривались как «туземцы» [15, с. 172, 176]. В дальневосточных ареалах встречались и такие характерные для отечественной лингвистической практики второй половины XIX – начала XX в. сопоставления: «среди православных немало инородцев, например грузин» [15, с. 167].

Обозначение «окраина» применялось для выражения пространственного противопоставления центральным районам страны или иногда другим частям края. При этом понятия «край» и «окраина» не являлись тождественными. В каждом конкретном случае на российской иноэтнической периферии они обретали специфику, как, например, противопоставление на Кавказе с обозначением «окраина» северных и южных частей, различавшихся по своим цивилизационным и этнодемографическим особенностям. Жесткого разделения этих частей во второй половине XIX – начале XX в. не существовало. Оно установилось позже, при реализации советского проекта «национальных республик». Вариативность употребления до 1917 г. в отношении двух частей

Кавказа, северной и южной, терминологических обозначений «край» и «окраина» указывает, на мой взгляд, на незавершившийся процесс переходности и сохраняющуюся неопределенность.

Понятие «регион» является производным от обозначений «край» и «окраина». В нем отражается более устойчивый синтез. Возникновение российских регионов явилось следствием государственного сплочения краев и окраин, происходившим еще до революционных событий 1917 г. Показателем этого состояния выступала преодоленность в той или иной степени цивилизационной и государственной отчужденности. Соотнесение «регион» воспринималось во второй половине XIX в. как «большая область... или территории, районы, объединенные по каким-нибудь общим признакам» [16, с. 671]. Производное же название «региональный» обозначало тогда принадлежность к «определенной области» [16, с. 671]. Под «периферией» подразумевалась «местность, удаленная от центра» (середины) [17, с. 100] или относящаяся к окраине [18, с. 251]. Становление российских регионов продолжалось и в советскую эпоху. В каждом конкретном случае, особенно в условиях зарубежных стран, понятия «край», «окраина», «регион» имеют свои конкретные исторические оттенки. Предложенная систематизация опирается прежде всего на отечественные реалии.

В.И. Далю удалось выявить совпадение в применении терминов «туземный» и «абориген», вобравших свойственные для межэтнических контактных зон указания «первые поселенцы края... исконные, вековые, родовые... старожилы» [19, с. 2]. Понятие «абориген», в отличие от отвергнутых в ходе дальнейшего развития российских окраин определений «туземец» и «инородец», до сих пор применяется для соответствующих конкретизаций. Однако слово «абориген» не использовалось в отечественной практике для обозначения этнических различий, видимо, больше из-за внешней, чем внутренней, сориентированности смысла. В его параметры В.И. Далем включалось и уточнение «коренные жители». По данным современной этнологии, таковыми должны признаваться все, кто длительно и постоянно проживает на той или иной территории. Коренными для Северного Кавказа, являлись, например, кубанские и терские казаки, равно как и остальные группы восточнославянского населения. Определение же «абориген» имеет противопоставление «пришелец» [20, с. 347]. Поэтому его неправомерно использовать в контексте анализа применительно к эпохе интеграции Северного Кавказа с Россией во второй половине XIX – начале XX в.

Понятия являлись отражением тех или иных существовавших в прошлом процессов. Соответственно в них происходило своеобразное воплощение кодификации их состояний. Примечательно, что определение «туземный», несмотря на происходившие революционные перемены в стране, использовалось даже на съездах «народов Терека» в 1918 г. Причем употребляли его в выступлениях не только представители русского населения, но и горских округов [21, с. 38]. Вытеснение данного понятия происходит лишь при более масштабной реализации

на Северном Кавказе советского проекта, предусматривавшего утверждение заимствованного из европейского опыта национального принципа.

Таким образом, необходимо различать терминологические версии, сложившиеся исторически и выработанные в процессе развития научных знаний. К последней разновидности относится, в частности, понятийная условность «этнос», имеющая также ключевое значение при реконструкциях реалий интеграции Северного Кавказа с Россией во второй половине XIX – начале XX в. Различные аспекты соответствующей теории весьма широко применяются в специальных исторических исследованиях. Ограниченность ее вызывается тем, что оформление содержания произошло в конце советской эпохи, когда существовала необходимость опираться на жесткие «марксистско-ленинские» схемы, вне которых оказывалось невозможным любое научное творчество. Тем не менее предлагавшиеся концепты предоставляли возможность выхода на ряд перспективных решений.

Исчерпывающих и не вызывающих возражений понятий в науке не существует. Это прежде всего условности, отражающие емкие характеристики изучаемых явлений и процессов. Каждый ученый вправе иметь свое видение их сути. Сомнительной представляется тем не менее правомерность классификации российского сплочения народов как «суперэтнического». На это указывает отсутствие в нем этнической взаимоувязанности и системы, включаемых в разряд важнейших типологических признаков. Существует необходимость уточнения и других этнологических определений, исключая учет состояний переходности. Содержание концепт в описаниях не должно сужать многообразие эволюционных преобразований в развитии народов. Необходимо разделение, на мой взгляд, этнических и национальных состояний консолидированности, равно как и переходные варианты.

С незавершенными форматами этногенеза представители русской власти сталкивались на Северном Кавказе при обеспечении интеграционной направленности политики во второй половине XIX – начале XX в. В ряде местностей, несмотря на создаваемые условия в ходе проводившихся преобразований, стадия консолидации не была достигнута. Проявилось это и после февральского переворота 1917 г. в России. На проходивших многочисленных совещаниях и горских съездах говорилось, в частности, о представленности «всех племен Северного Кавказа и Дагестана» [22]. Даже при внедрении на практике различных проектов автономий с целью федерализации государственных отношений в России в 1917 г., в том числе «национально-государственных образований» при большевистском режиме, фиксировалось вхождение в них союза «народов и племен» [23, л. 2].

Устойчивость и консолидированность среди прочих характерных признаков этноса следует учитывать в отборе адекватных анализу конкретизирующих символов, не игнорируя наработок иных категориальных версий. Наиболее употребляемое в современной науке понятие «этничность» также отображает устойчивые самобытные особенности того или иного сообщества,

являющиеся разновидностью организации культурных различий. Изложенные интерпретации не противоречат друг другу и в равной степени могут выполнять функции несущих классификационных конструкций. Однако для проведения исследования они нуждаются в дополнении другими сведениями.

При всей неоднозначности трактовок обобщающей условности «этнос» северокавказским реалиям второй половины XIX – начала XX в. в наибольшей степени, на мой взгляд, соответствует определение русского ученого С.М. Широкогорова, сформулированное еще в 1921–1922 гг. в лекционном курсе по этнографии, прочитанном в Дальневосточном университете. В монографиях автора, изданных в эмиграции, определение было дополнено дополняющими вариациями. В понимании С.М. Широкогорова под соответствующую классификацию подпадают объединения людей, «говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых... от таковых других групп» [24, с. 59]. При этом этнос интерпретируется как «целостное явление», с установившимся «равновесием... компонентов» [24, с. 61–64, 66].

Его «динамический эффект», как считал С.М. Широкогоров, выражается и в межэтническом контексте, приспособляемость к которому происходит через «разные формы сознания». В такой системе отношений этнос выступает первичной целостностью. В нем ученый выделял и такой немаловажный признак, как «принадлежность к определенной культуре», обеспечивающей сохранность родовых свойств. Становлению этносов присуща противоречивость, в которой сталкиваются разные векторы и аспекты выражения, «совокупность процессуальных состояний». В систематизации С.М. Широкогорова перспектива существования этноса ставится в зависимость от роста численности населения, уровня развития культуры и территории [24, с. 61–64, 66], также способствующей консолидации общностей. Предпринятый анализ важнейших теоретических разработок позволяет сделать вывод о том, что этничность является показателем формирующегося сообщества или производной величиной от уже сложившегося.

Поскольку в России не было целостной этнической системы, существует, на мой взгляд, необходимость различать специфику этнических и национальных фаз в развитии народов, соответствующие им уровни государственных оформлений, выделять при этом многообразие переходных состояний, в значительной мере определяющих картину не только российской Евразии, но и всего мира. Такой подход объединяет данные этнологии и нациологии. Он допускает наличие наряду с этнонациями согражданств. В Российской империи происходило преимущественно становление последней разновидности. Вместе с тем оно не исключало формирования первой. Обозначение «согражданство», вопреки сложившемуся мнению, не исключает «этнонаций». Оно отражает существование российской универсалистской общности, имевшей в том числе цивилизационную совмещенность. Можно, конечно, данный термин заменить

другой обобщающей условностью. Однако суть воспроизводимой в нем реальности от этого не изменится.

Принимая во внимание возможность существования разнородной этнической основы в государственном сплочении, но при этом единой общности, использовать необходимо, на мой взгляд, конкретизацию «российское согражданство». Возможно вместе с тем сочетание ее с обозначением «полиэтнонациональное сообщество». Наряду с ним употребляться может и имевшее распространение в имперский период понятие «подданство». Юридические интерпретации его по сути не имеют различий, отображая правовую связь «лица с государством», возглавляемого монархом. Вместе с тем признается соответствие данного присвоения понятию «гражданство», которое применяется для отображения аналогичной устойчивой принадлежности в государствах с республиканской формой правления [25, с. 641]. Иными словами, подданство обозначает гражданство в государствах с монархической формой правления [26, с. 533].

Народ, как признается современной наукой, может выступать, исходя из тенденций формирования, и как этническая, и как территориальная общность. Нации в классических версиях типологий соотносятся чаще всего с государственным началом. В территориальных общностях так же, как и в этнических, прослеживается солидарность значительной части населения. Они являются отражением региональной и государственной целостности. Однако реалии Северного Кавказа вскрывают необходимость разделения этих терминов. По установившимся исторически лингвистическим нормам, автохтоны воспринимались как аборигены, «возникшие и продолжающие существовать в данной местности» [4, с. 25–26].

В условиях края, где на протяжении многих веков происходили постоянные перемещения населения, под такое определение подпадают немногие. Изменения же этнической ситуации здесь никогда не прекращались [27, с. 21]. Современные научные критерии предусматривают необходимость более широкого понимания термина «коренной». К такой категории относятся все, кто длительно проживает на той или иной территории. В соответствии с современными методологическими подходами отслеживать необходимо и противоречивые тенденции, под которыми понимаются различные направления «развития какого-либо явления или процесса» [28, с. 358]. Традиция же как понятие воспроизводит наследие, передающееся «из поколения в поколение» и сохраняющееся «в течение длительного времени» [28, с. 362]. Для северокавказской окраины Российской империи она являлась фактором, оказывавшим существенное влияние на проводившуюся политику во второй половине XIX – начале XX в.

В завершение описаний характерных особенностей несущих понятийных концепт определим позицию по встречающейся формулировке «российский ислам». Применение ее, безусловно, неправомерно, так как любая монотеистическая религия, в том числе и христианство, имеет единую догматическую основу. Ислам также не предполагает этнических ответвлений.

На это указывается в трудах богословов. Муфтий Гайнутдин Равиль, видный современный отечественный религиозный деятель, по этому поводу дает такое разъяснение: «Ислам, по определению священного Корана, основывается на неизменном вероучении... ниспосланном Аллахом. И с этой точки зрения нет и не может быть ислама российского, арабского, турецкого, индонезийского. Мусульмане России так же, как и их зарубежные единоверцы, живут на основе религии Аллаха, придерживаются положений, вытекающих из Священного Корана и Сунны Пророка Мухаммада» [29, с. 150].

Уточняя констатацию, богослов пишет: «мы вправе говорить, что есть и будут мусульмане России, Турции, Аравии, Индонезии... Они отличались и отличаются историческим... религиозным опытом» [29, с. 150]. Резюмируя разъяснение, муфтий обращает внимание, что «отечественного мусульманина» нельзя рассматривать «на одном уровне с единоверцами из стран дальнего зарубежья» [29, с. 151]. Следовательно, только мусульманство, означающее исповедование ислама теми или иными общностями людей, подвержено трансформациям, связанным с этнополитическими интеграционными процессами. Консолидирующую роль для русских славян, как известно, играло православие. Исторически сложилась его русская вариация, но нет такой разновидности христианства из-за единой символики веры, общности религиозных представлений. Применимы соответственно формулировки, не затрагивающие канонический спектр отечественных и зарубежных конфессий.

Изложенное выше позволяет констатировать, что понятийные обозначения в исторических исследованиях отражают либо существовавшую реальность, либо принципы и методы научного анализа. Их применение должно тем не менее соответствовать особенностям Российской империи, а также отражать языковую реальность изучаемой исторической эпохи. Понятия нередко являются воплощением ситуаций, складывающихся в историографии той или иной проблемы. В ряде случаев термины воспроизводят колорит эпохи и подпадают под категорию исторических. В таком случае они выступают и в роли источников, позволяющих соразмерно передавать реальность.

Исчерпывающих и не вызывающих возражений понятий не существует. Это условности, в которых предлагаются емкие характеристики (концепты) изучаемых явлений и процессов. В создаваемых понятиях тем не менее должно воплощаться отражение переходных состояний. Идеальных же принципов в науке не существует. Использование понятий, возникших в одной среде, для описания ситуации в другой неправомерно. В систематизациях фактов должны применяться понятия, возникшие в реалиях языкового контекста, а не иного опыта. В терминах отражены и зашифрованы определенные кодифицированные срезы реальности. В зависимости от точности употребления лингвистического наследия прошлого находится и достоверность исторической реконструкции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И–О / В. Даль. – М. : ГИС, 1955. – 779 с. – Текст : непосредственный.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Р–V / В. Даль. – М. : ГИС, 1955. – 683 с. – Текст : непосредственный.
3. Штернберг, Л. Иногородцы. Общий обзор / Л. Штернберг. – Текст : непосредственный // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. – С.-Петербург : Издание т-ва «Общественная Польза», 1910. – С. 529–574.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1989. – 921 с. – Текст : непосредственный.
5. Индия под английским владычеством : сочинение барона Барту де Панозна. Т. 1 : [пер. с фр.]. – М. : Университетская типография, 1848. – 562 с. – Текст : непосредственный.
6. Шмидт, П. П. Конспект лекций по политической организации Китая / П. П. Шмидт. – Владивосток : Издание Восточного института, 1911. – 63 с. – Текст : непосредственный.
7. Бутенко, И. Что должен знать каждый об украинцах / И. Бутенко. – Текст : непосредственный // Свободное слово Карпатской Руси. – 1971. – № 7–8 (151–152). – С. 1–13.
8. Калмыков, Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии / Ж. А. Калмыков. – Нальчик : Эльбрус, 1995. – 127 с. – Текст : непосредственный.
9. Хоскинг, Д. Великое, но рухнувшее прошлое? Размышления американского историка об истории и нации / Д. Хоскинг. – Текст : непосредственный // Родина. – 1995. – № 1. – С. 37–44.
10. Кабузан, В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М. : Наука, 1992. – 216 с. – Текст : непосредственный.
11. Россия : энциклопедический словарь. (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Т. LXV (65): Кубанская область / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – 264 с. – Текст : непосредственный.
13. Бондаренко, Д. Украинский вопрос в Государственной Думе (1906–1917 гг.) / Д. Бондаренко, Н. Крестовская. – Текст : непосредственный // Россия. XXI век. – 2001. – № 6. – С. 95–113.
14. Грушевский, М. Украинцы / М. Грушевский. – Текст : непосредственный // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. – С.-Петербург : Издание т-ва «Общественная Польза», 1910. – С. 310–329.
15. Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – М. : ЭКСМО, 2009. – 511 с. – Текст : непосредственный.
16. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–V. – СПб., М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – 704 с. – Текст : непосредственный.

17. Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 3: П. – СПб. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – 576 с. – Текст : непосредственный.
18. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 3. П–Р. – СПб.–М. : Издание т-ва Вольф, 1907. – 1782 стб. – Текст : непосредственный.
19. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I / В. Даль. – М. : ГМС, 1955. – 700 с. – Текст : непосредственный.
20. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности / О. В. Матвеев. – Краснодар : Кубанькино, 2005. – 418 с. – Текст : непосредственный.
21. Съезды народов Терека : сборник документов и материалов. В 2 т. Т. I. – Орджоникидзе : ИР, 1977. – 345 с. – Текст : непосредственный.
22. Терский вестник. – 1917. – 5 мая. – Текст : непосредственный.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. – Текст : непосредственный.
24. Кузнецов, А. М. Теория этноса С.М. Широкогорова / А. М. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 58–77.
25. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. – 5-е изд., доп. и перераб. – М. : Тихомиров, 2006. – 1087 с. – Текст : непосредственный.
26. Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Проспект, 2009. – 703 с. – Текст : непосредственный.
27. Белозеров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. – М. : ОГИ, 2005. – 298 с. – Текст : непосредственный.
28. Словарь иностранных слов. – М. : ЭКСМО, 2009. – 671 с. – Текст : непосредственный.
29. Гайнутдин Равиль, муфтий. Ислам в современной России / Р. Гайнутдин. – М. : Фаир-Пресс: ГРАНД, 2004. – 330 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Dal V. *Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. M., GIS, 1955, vol. II. P–O. 779 p.
2. Dal V. *Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. M., GIS, 1955, vol. IV. P–V. 683 p.
3. Shternberg L. *Inorodtsy. Obschii obzor* [Aliens. General Overview]. *Formy natsionalnogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya* [Forms of the National Movement in Modern States. Austria-Hungary. Russia. Germany]. Ed. by A. I. Kastelyansky. SPb., "Public Benefit", 1910, pp. 529–574.
4. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. M., Rus. yaz., 1989. 921 p.
5. *Indiya pod angliiskim vladychestvom. Sochinenie barona Bartu de Panoena. Perevod s frantsuzskogo* [India under English Rule. The Work of Baron Barto de Panoen. Translated from French]. M., University Printing House, 1848, vol. 1. 562 p.
6. Shmidt P. P. *Konspekt lektsii po politicheskoi organizatsii Kitaya* [Lecture Notes on the Political Organization of China]. Vladivostok, Publishing house of the Oriental Institute, 1911. 63 p.

7. Butenko I. What everyone should know about Ukrainians. *Svobodnoe Slovo Karpatskoi Rusi* = The Free Work of Carpathian Rus, 1971, No. 7–8 (151–152), pp. 1–13. (In Russian).
8. Kalmykov Zh. A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii* [The Establishment of the Russian Administration in Kabarda and Balkaria]. Nalchik, "Elbrus", 1995. 127 p.
9. Khosking D. The great but collapsed past? Reflections of an American historian on history and the nation. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal "Rodina"* = Russian Historical Journal "Rodina", 1995, No. 1, pp. 37–44. (In Russian).
10. Kabuzan V. M. *Narody Rossii v pervoi polovine XIX v.: Chislennost i etnicheskii sostav* [The peoples of Russia in the First Half of the XIX century: Number and Ethnic Composition]. M., Nauka, 1992. 216 p.
11. *Rossiya: Entsiklopedicheskii slovar* [Russia: Encyclopedic Dictionary]. (Brockhaus F. A. and Efron I. A.). Leningrad, Lenizdat, 1991. 922 p.
12. *Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g.* Izdanie Tsentralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. Pod red. N.A. Troinitskogo. T. LXV (65). Kubanskaya oblast. [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897, Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Ed. by N. A. Troynitsky. Vol. LXV (65). The Kuban Region]. SPb, Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905. 264 p.
13. Bondarenko D., Krestovskaya N. The Ukrainian Issue in the State Duma (1906–1917). *Rossiya. XXI vek* = Russia. XXI century, 2001, No. 6, pp. 95–113. (In Russian).
14. Grushevskii M. *Ukraintsy. Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya* [Ukraintsy. Forms of the National Movement in Modern States. Austria-Hungary. Russia. Germany]. Ed. by A. I. Kastelyansky. SPb., "Public Benefit", 1910, pp. 310–329.
15. Chekhov A. P. *Ostrov Sakhalin* [Sakhalin Island]. M., EKSMO, 2009. 511 p.
16. *Tolkovyi slovar zhivago velikoruskago yazyka Vladimira Dalya* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. SPb.; M., Edition of the bookseller-typographer M. O. Wolf, 1882, vol. 4: P–V. 704 p.
17. *Tolkovyi slovar zhivago velikoruskago yazyka Vladimira Dalya* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. SPb.; M., Edition of the bookseller-typographer M. O. Wolf, 1882, vol. 3: II. 576 p.
18. *Tolkovyi slovar zhivago velikoruskago yazyka Vladimira Dalya* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. SPb.; M., Wolf's Edition, 1907, Vol. 3. II–P. 1782 p.
19. Dal V. *Tolkovyi slovar' zhivago velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. M., GMS, 1955, vol. 1. 700 p.
20. Matveyev O. V. *Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX v.): kategorii voinskoj mentalnosti* [The Historical Picture of the World of the Kuban Cossacks (late XVIII – early XX centuries): Categories of Military Mentality]. Krasnodar, Kubankino Publishing House, 2005. 418 p.
21. *S'ezdy narodov Tereka. Sbornik dokumentov i materialov* [Congresses of the Terek Peoples. Collection of Documents and Materials]. Ordzhonikidze, Publishing House "IR", 1977, vol. 1. 345 p.

22. Terskii vestnik [Tersky Vestnik]. 1917, May 5.
23. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RSHA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1276, inventory 21, case 53.
24. Kuznetsov A. M. The theory of Ethnos by S.M. Shirokogorov. Etnograficheskoe Obozrenie = The Ethnographic Review, 2006, No. 3, pp. 58–77. (In Russian).
25. Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu. Yuridicheskaya entsiklopediya [Legal Encyclopedia]. M., Publishing House "Tikhomirov", 2006. 1087 p.
26. Bolshoi yuridicheskii slovar [Great Legal Dictionary]. Ed. by prof. A. Ya. Sukharev. M., Prospekt, 2009. 703 p.
27. Belozero V. S. Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza [The Ethnic Map of the North Caucasus]. M., OGI, 2005. 298 p.
28. Slovar inostrannykh slov [Dictionary of Foreign Words]. M., EKSMO, 2009. 671 p.
29. Gainutdin Ravil, Bufti. Islam v sovremennoi Rossii [Islam in Modern Russia]. M., Fair-Press: GRAND, 2004. 330 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Понятийные условности как кодификаторы реалий прошлого / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1. – С. 66–79.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveyev V. A. Conceptual Conventions as Codifiers of the Realities of the Past / V. A. Matveyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 1, pp. 66–79. (In Russian).